

Татьяна и Сергей НИКИТИНЫ:

«ЛЮДИ ВЕРНУТСЯ К ВЕЩАМ НЕИЗБЫВНЫМ»

Начну с маленького признания. Дело в том, что любовь к авторской песне началась для меня именно с вас, с вашей первой пластинки семьдесят восьмого года «По-ни бегают по кругу», с совершенно сказочных песен про пони, про резинового ежика, который «шел и нависывал дырочкой в правом боку»... Я тогда учился в четвертом классе. А потом заворачивающие песни из фильмов «Москва слезам не верит», «Почти смешная история, похожая на сказку». Только никогда не предполагал, что выпадет такое счастье объясниться в любви их авторам и исполнителям! Спасибо вам огромное! Ну а как все произошло у вас? Когда вы запели? Где? Как возник ваш семейный дуэт?

Татьяна Никитина. — Сергей, видимо, как родился, так сразу начал петь. Он из тех людей, которых не надо учить плавать: бросишь в воду, и они поплывут. Таковы взаимоотношения Сергея с музыкой. Она просто часть его самого, хотя он не получил специального образования. Но что предначертано свыше, от того не уйдешь... Я, кстати, как раз обучалась, но по части музыкального профессионализма мне до Сережи далеко.

Сергей Никитин. — Я взял в руки гитару, когда учился в седьмом классе, и стал исполнять песни Булата Окуджавы. На первом курсе физического факультета МГУ написал первую собственную — на стихи Иосифа Уткина. Это было в шестьдесят третьем году. Потом я стал членом физфаковской агитбригады, создал мужской квартет. Мы пели про желтого цыпленка, «что в небе гулял» (песня Сергея Крылова), про пони (Юнна Мориц), некоторые другие. А с Татьяной я познакомился только через четыре года после своего дебюта, и она уже знала меня как известного в университете автора...

Т. Н. — ...И вообще — звезда!

С. Н. — Ну, скажем, популярную личность. Потом мы стали петь вместе, уже в составе квинтета, тогда же и поженились.

Т. Н. — Фактически Сергей научил меня петь.

С. Н. — На самом деле научить невозможно. У Татьяны это умение или дар — тоже естественны, заложены изначально. Я просто помог ей освободиться от скованности, снять психологические зажимы. Хотя, с кем поведешься, от того и наберешься...

— Извините, пожалуйста, и не примите за вмешательство в личную жизнь: видишь вас, и кажется, что вы никогда не ссоритесь. Это так?

Т. Н. — Ой, ну что вы! Конечно, ссоримся! Но мы очень занятые люди, связанные общим делом, поэтому часто обходимся друг на друга нелюбью. Хотя мы такие разные...

С. Н. — Если бы одинаковые — было бы вообще ужасно!

Т. Н. — То, что мы — семья, безусловно, имеет большое значение для нашего театра, нашего спектакля. В какой-то степени это тоже сюжет, и он в свою очередь помогает нам быть едиными.

— Скажите, пожалуйста, как вам всегда удается «попасть в яблоко» в выборе поэзии? Как вы отыскиваете стихи, которые словно становятся вашими собственными?

Т. Н. — Единого проверенного алгоритма на все случаи жизни не существует. Есть основа — чувства и мысли, которые выражает поэт. Если они созвучны нашим, если произнесено то, о чем думаем и что хотели бы сказать мы сами, значит, стоит браться за работу.

С. Н. — Приходится, конечно, перерабатывать большой материал. В поле моего зрения находятся десятки имен; я просматриваю газетные и журнальные публикации. Так, замечательную подборку стихов Арсения Тарковского мы обнаружили в парижской эмигрантской газете «Русская мысль». Многие авторы сами приносят нам свои неопубликованные вещи. Я отбираю понравившиеся, а потом происходит таинство, о котором говорила Татьяна.

Т. Н. — Было несколько случаев, когда на прекрасные стихи нам указывали наши друзья, знакомые, просто сторонние люди. Например, «Пою музыку Вивальди» продиктовал по телефону Зиновий Паперный, а Лидия Чуковская подсказала колоссальнейшей силы ответ на творившиеся в стране беззакония — травлю Солженицына, ссылку Сахарова — сонет № 66 Шекспира «Зову я смерть, мне видеть не-

Сегодня у нас встреча с очень милыми людьми, талантливыми авторами и исполнителями умных, душевных песен и баллад, омывающих наши черствеющие сердца святою водою возвышенной нравственности и чело-

вечности. Они из тех немногих, кто в трудные времена поэзией и музыкой помогают нам жить, врачуют наши души. И разговор, который ведет с четою Никитиных наш корреспондент, не только об искусстве, он о жизни, о нас самих.

втерпеть достоинство, что просит подаяния...». Не придумать про нас ничего точнее и сильнее!

С. Н. — Иногда отказываюсь от желания написать песню на стихи большого мастера, чтобы... их не испортить. Скажем, поэзия Бориса Пастернака настолько музыкальна, что композитору чаще всего уже нечего делать. Находкой для меня оказался Геннадий Шпаликов: непосредственное, живое чувство в его стихах сочетается с особым воздухом, который я наполняю музыкой. Поэтому мы так много поем Шпаликова.

— Вы упомянули Андрея Дмитриевича Сахарова. Когда я слушал песню «Степанный господин», то думаю почему-то о нем, о его жизни. И смерти. «Тот, кто с хрустальной душой, тот наказан расплатой большой...», «Лучше быть убитым, чем

людьми разбитым вдребезги...».

Т. Н. — Евгений Александрович Евтушенко написал стихи примерно за два месяца до гибели Андрея Дмитриевича. Мы и не предполагали, как символично и трагически зазвучат они в том черном декабре. Да, это было случайное совпадение, но если сегодня песни воспринимаются людьми как скромный памятник самому чистому человеку нашего времени, то, возможно, так оно и есть.

С. Н. — Сегодня наш жанр как будто переживает не лучшие времена — люди стремятся все больше на эстрадные концерты, отдают предпочтение оглушающему року, видеосалонам и т. п. Особенно охладела к бардам молодежь. Может быть, виновата сама авторская песня?

Т. Н. — Нет, она не виновата. Песни не стали хуже, и о творческом кризисе, мне кажется, говорить не следует. Другое дело — кризис восприятия. Да, он существует, но это кризис всей нашей культуры и литературы в целом, социальное бедствие. Мы все испытываем жесточайшую атаку массовой культуры, псевдоискусства. Раньше народ оболванивали всякими комсомольскими, уратриотическими «шедеврами», не дававшими пищу для мозгов, отравлявшими думать. Сегодня то же происходит на концертах рок-групп коммерческого направления. Тот же ширпотреб, только видеоизмененный. Молодежь протестовала против официальных песен, стремилась к индивидуальности, но не устояла против нахлынувшей волны массовой культуры в новой яркой упаковке. Создать стало, толпу, в которой человек перестает существовать как личность, — это очень выгодно кому-то наверху! Ведь теми, кто не хочет думать, а только «ловить кайф», гораздо легче управлять. Идет манипуляция сознанием молодежи, хотя сама она полагает, что самостоятельно выбрала увлечение. В дело запущены большие деньги — посмотрите, телевидение просто переполнилось рок-вакханалией! Авторская же песня в лучшем своем выражении — жанр некоммерческий, хрупкий. Она всегда апеллирует к отдельному человеку, его сердцу и разуму, заставляет трудиться, духовно

трудиться! Но человеку лень, он не хочет, он отвык, вернее, его отучили — и в этом глубочайший кризис всего нашего общества, его нравственности и вкусов. Не песня виновата, а люди!

С. Н. — Я добавлю. Перестройка, гласность принесли с собой небывалый интерес к экономике, политике, публицистике. Во главу угла ставятся практицизм, прагматизм, ибо объясняет ситуация. Тут уж не до искусства, когда ходим без штанов. И еще: за голы застоя мы привыкли к тому, что основной темой лучших произведений был социальный протест, выражавшийся эзоповым языком. Но эра иносказания кончилась, и нам надо возвращаться от социальных ценностей к вечным — добру и злу, жизни и смерти. Все от этого отвыкли, поэтому не ходят в театры, а смотрят по телевизору с

светлая лирика уживается с социальной остротой.

— Это можно отнести и к вашему творчеству. Скажем, убийственная строчка из замечательной, ставшей почти народной «Александры» (фильм «Москва слезам не верит»): «Москву рябины красили, дубы сгорали князьями, но не они, а ясени без спросу росли...». Такое, да в разгар застоя — как цензура прохлопала?

С. Н. — Заслуга поэта Дмитрия Сухарева, у него всегда так.

— Давайте немного отвлечемся от песен. Для наших читателей, наверное, будет небезынтересно узнать, что один из вас совершенно неожиданно попал работать... в аппарат!

Т. Н. — Да, действительно, я теперь заводом культуры исполкома Октябрьского райсовета, куда меня пригласил председатель исполкома, известный бард Геннадий Завильев.

— Ну вот — скажет кто-то, — пели сатирические песенки про чиновников-бюрократов, а теперь что же?

Т. Н. — На самом деле я особой перемены в образе жизни не чувствую. Сколько себя помню, всегда во что-то вместивалась, старалась помогать другим. И сейчас занимаюсь тем же, только получая за это деньги. Чиновник — это тот, кто чем-либо руководит. Я — нет, ибо культурой вообще нельзя руководить, ее можно только поддерживать, облегчать путь вверх людям талантливым, способным, над которыми раньше номенклатура часто просто издевалась, требуя поклонов и унижений. К сожалению, моя реальная помощь сегодня очень невелика: что можно сделать, не имея помещений, денег...

— Но в голодный год правомерно ли уж слишком тратить на культуру?

Т. Н. — Я отвечаю вот как. Сейчас все ругают Моссовет за организацию Дней города — мол, зачем этот «пир во время чумы». А мне пришлось наблюдать в нашем районе такую картину. На ярмарке стояла совершенно хмурая толпа. Очередь. Сердитые люди с кошельками мрачно поглядывали на одинокую деревянную эстраду. И вдруг на ней появился какой-то «сумасшедший» человек — массовик. Он, словно и не замечая всеобщей удрученности, начал шутить, рассказывать анекдоты, пел, и т. п. Малыши, стоявшие в очереди вместе с родителями, постепенно стали собираться возле него. Через несколько минут они уже всю улыбаются, хохотали!

Понимаете, наши несчастные дети, которые не знают, что не хватает картошки, что Горбачев не дружит с Ельциным, а азербайджанцы воюют с армянами, наши дети, лишенные улыбок и какой-то доброжелательности общества, не виноваты, что им приходится расти среди всеобщей холодности и серого неба. Вот для них-то и нужен был праздник. И еще для стариков. Тут экономить недопустимо, и мне не жаль денег, истраченных исполкомом.

Ну а мы сами? Согреть омерзевшие души может только искусство и дитя. Лица взрослых, стоящих в очереди, тоже просветлели; может быть, теперь они хотят на миг стать чуть добрее, перестанут отталкивать друг друга локтями... Кстати, мне говорили, что в Октябрьском районе праздник удался: работали замечательные артисты — ни одного халтурного номера. А какой-то директор музыкальной школы даже поцеловал меня и сказал, что еще ни разу не было такого высокого уровня исполнителей. Бесценная похвала.

— Скажите, пожалуйста, а вы не боитесь, что может «засосать» аппаратная деятельность в ее застойном понимании?

Т. Н. — Это невозможно! Я бунтарь, ни от кого не завишу, материально самостоятельна, славы мне не нужно, поэтому не требуется угождать «Иван-Иванычу». Мой переход в исполком — чистое движение души. Так же думает и Георгий Васильев. Он трижды потерял в зарплате, он в расцвете творческих сил, песни прине-

сли ему известность. Но он решил заняться тем, что важно не только ему. И я его уважаю! Что же касается меня, то бюрократом не буду еще и потому, что никогда не навязываю свои вкусы, мое мнение — не истина в последней инстанции, хотя я и стараюсь аргументированно его отстаивать.

— И все же — трудно?

Т. Н. — Конечно. Особенно со всякими кружками, домами пионеров, которые хотят работать по-старому, а зарплату получают по-новому. Тут я не уступлю: Денег мало, поэтому поддерживать серость просто преступно.

— Сергей Яковлевич, а вы как отнеслись к новому занятию вашей жены?

С. Н. — С уважением и восхищением, хотя, конечно, было бы гораздо спокойнее, если бы она обходилась только нашим песенным театром. Вижу, как ей трудно, но верю в ее умение находить общий язык с людьми.

Т. Н. — Кстати, первое, что Сергей сказал после моего назначения, было: «Что же ты идешь в район, тебе надо республику брать!».

— Вы посете столько изумительных, завораживающих песен о нашем городе... А есть ли у вас в Москве любимые места?

Т. Н. — Малая Бронная и Патриаршие пруды. Я там росла, когда родители учились в аспирантуре. Но любовь и восхищение волшебным уголком столицы обнаружилась, когда я прикоснулась к «Мастеру и Маргарите»: из подсознания все перекочевало в реальность...

С. Н. — Мои симпатии тоже связаны с детством, молодостью. Метростроевская, Кропоткинская улицы, парк имени Горького. Я жил возле Крымского моста... А еще я очень люблю просто рядом с Университетом, склоны Ленинских гор, церковь наверху...

— Скажите, пожалуйста, что из происходящего сегодня в Москве, в республике, стране, вас особенно печалит, а что радует?

Т. Н. — Огорчает, прямо подкашивает людская озлобленность. Рассудком понимаю, почему все вокруг такие злые, но сердцем принять не могу. Ненависть стала прямо-таки национальной чертой, брань на улицах можно услышать даже от вполне интеллигентных по виду людей — и пожилых, и молодых. Ужасно!

С. Н. — В автобусе: «Будьте добры, пробейте, пожалуйста талончик!» — «Сам пробейте!».

Т. Н. — Надеюсь, что этот недуг общества все же излечим. А радует то, что не перевелись еще на Руси хорошие, умные люди, что дожили мы до таких лет, когда они подымались до невиданных ранее высот. Они — те, кого любит и кому доверяет народ: Дмитрий Лихачев, Собчак, Попов, Старовойтова и другие. Ведь раньше в Верховный Совет в подавляющем большинстве попадали тщательно отобранная серость, часто дураки, пробиравшие путь подличаньем и угодничеством. И вот — праздник на нашей улице! Конечно, симпатия, безусловно, на стороне демократов; восхищаемся смелой и деятельной молодежью — Мурашовым, Болдыревым... Я уже не говорю о Станкевиче! Какая выдержка, интеллигентность, отвага, обаяние!

С. Н. — Полностью присоединяюсь к Татьяне. Радостно заново открывать для себя людей, которых мы хорошо знали раньше — того же Гавриила Попова. Очень надеюсь и переживаем за лидера левого блока.

— Большое вам спасибо, и напоследок вопрос, ответа на который с нетерпением ждут все ваши почитатели: появятся ли еще пластинки с песнями Татьяны и Сергея Никитиных, не помешают ли ветры перемен, пусть даже и свежие ветры, вашей концертной деятельности?

Т. и С. Н. — Петь будем обязательно, ни в коем случае не оставим своего слушателя. Русская душа требует доброты, сентиментальности, света — все это накоплено в поэзии, и мы видим свою миссию в том, чтобы сохранить, донести до зрителей ее величайшее богатство. Сосем скоро выйдет и музыкальный альбом с записью нашего концерта в зале Ленинградского капеллы. Там будет живой диалог с залом, с людьми, — главное достоинство нашего раннего и доброго жанра.

Беседу вел студент МГУ Игорь ПОПОВ.